

Молодые Известия. - 2001. - 5 авг. - с. 7. Анна Гордеева, для «Новых Известий»

Вечеринка в Оперетте

На сцене Театра оперетты прошла премьера Театра танца Алексея Фадеечева

В этот вечер было показано три одноактных спектакля: «Между небом и землей» на музыку «Кронос-квартета», «Прелести маньеризма» (Куперен-Р.Штраус), «Опус X» Леонардо Это. Постановщиками были соответственно Трей Макинтайр, Алексей Ратманский и Стентон Уэлш — работающий в Америке американец, танцующий в Дании русский и ставящий в Америке австралиец. Каждый из хореографов привнес в свой балет воспоминания о своей творческой биографии.

Трей Макинтайр своим спектаклем воспел знаменитого американского хореографа Джерома Роббинса — его «Танцы на вечеринке». Структура спектакля, интонация его, танцевальная лексика — все создавало впечатление не заимствования, но восторженного подражания. Никаких декораций, роль оформления отдана лишь костюмам (у девушек — рыжие платьица, у молодых людей — мешковатые желтые брюки на подтяжках). Три сменяющие друг друга солирующие пары (лучше всех были Мария Александрова и Руслан Пронин) и пять пар кордебалетных танцевали именно вечеринку — без сюжета, без творческих задач, но с простодушным непарфосным удовольствием, что редко бывает у балетных при исполнении классических танцев. Кто хоть раз видел, как «отрываются» господа артисты на обычной дискотеке, оценит подвиг хореографа, сумевшего обогатить этот поток энергии.

Стентон Уэлш, уже знакомый московской публике по декабрьской премьере (Green) в том же Театре танца, также объяснился в любви к американской неоклассике. Но его высказывание было гораздо более скучным. Начало балета, в котором масса артистов руками обо-

Нина Ананиашвили и Сергей Филин.

значает то ли египетский (клинописный), то ли японский (иероглифический) узор, еще внушало надежды, но после сочинение превратилось просто в череду сцен на фоне задника, изображающего силуэты американских небоскребов. Нина Ананиашвили и Сергей Филин изображали историю любви без истории (сюжет не развивался) и без любви (чувств заметно не было).

Хореография была собрана из общих мест неоклассики, и ей не смог придать энергии даже ритм барабанов Леонардо Это.

«Между небом и землей» и «Опус X» были премьерными («мировыми премьерными», как прожужжала все уши реклама, хотя сочинение Макинтайра было перенесено из Хьюстонского балета), а третий балет вечера был знаком московской

публике уже четыре года. «Прелести маньеризма» были первым большим сочинением Алексея Ратманского, показанным в Москве, — именно с него началась известность хореографа. За пять лет балет не потерял ни капли энергии, ни одной живой и смешной нотки. Ратманский, пожалуй, единственный на сегодня российский сочинитель классических танцев, умеющий заставить зал смеяться не над ним, а с ним вместе. Он тоже находится под влиянием американской неоклассики (сказывается опыт танцевальной карьеры — до Дании он работал в Канале, но умеет от этой неоклассики отстраниться, взглянуть на нее в неожиданном ракурсе, улыбнуться... И танцы для четырех артистов (соло, дуэты, трио и квартеты выстроены в сложнейшую и прочнейшую мозаику) превращаются то в дуэль двух кавалеров (победивший в ужасе от картинного падения побежденного — замечательно и танцуют, и играют Андрей Уваров и Сергей Филин), то в воркование дамы (Нина Ананиашвили) и ее наперсницы (Инна Петрова)...

В целом вечер в бывшем филиале Большого прошел так, как полагается настоящему филиалу Большого. С искренними аплодисментами публики и добросовестной работой клаци. Был выпущен жуткий буклет (артистам следовало бы поддать на фотографа в суд — балерины выглядят на фото на десять лет старше, а танцовщики в три раза порочнее). И труппа, собравшаяся вокруг опальной звезды, продемонстрировала свое желание заниматься экспериментами, пока в Большом кормят старых лебедей. Правда, кордебалет пока уровня, мягко говоря, неблестящего, но это дело наживное. Посмотрим, что получится.